

4. Danilin P. *Novaya molodezhnaya politika 2003–2005*. Moscow: Evropa, 2006.
5. Intervyu s vedushchim sotrudnikom fonda «Obshchestvennoe mnenie» Ivanom Klimovym. Available at: <http://www.kreml.org/interview/89844669>.
6. Karpenko O.M., Limanov I.A. *Molodezh v sovremenном politicheskom protsesse v Rossii*. Moscow, 2006.
7. Kordonskiy M. *Kak delayutsya molodezhnye revolyutsii: Putsch grandoedov*. Available at: <http://www.kreml.org/options/87340042>.
8. Savelev V.A. *Goryachaya molodezh Rossii. Lidery. Organizatsii i dvizheniya. Taktika ulichnykh bitv. Kontakty*. Moscow: Kvanta, 2006.
9. Samarkina I.V. Molodezh i formirovanie ee politicheskoy kartiny mira v sovremennykh sotsialno-gumanitarnykh issledovaniyakh. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2011, no. 5, pp. 181.

ВЛИЯНИЕ АНТИЧНЫХ ИДЕЙ НА ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ КАК ФИЛОСОФА

Миталева Марина Владимировна, аспирант

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: mmitaleva@gmail.com

Статья содержит анализ воздействия идейного античного фонда на содержание и способ изложения философских воззрений Леонардо да Винчи. Исследуемое влияние продемонстрировано использованием эстетических и онтологических идей, а также образов, заимствованных из теоретического наследия философов Античности и освоенных им в ренессансной манере; определена роль классической риторики в философском опыте Леонардо да Винчи.

Ключевые слова: Леонардо да Винчи, античная философия, философия эпохи Возрождения, микрокосм, классическая риторика.

INFLUENCE OF ANTIQUE IDEAS ON LEONARDO DA VINCI AS PHILOSOPHER

Mitaleva Marina V., postgraduate student

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: mmitaleva@gmail.com

Article contains the analysis of influence of antique ideas for content and method of statement of Leonardo da Vinci's philosophical outlooks. This influence under study is shown by use of esthetic and ontological ideas, and also the images borrowed from theoretical heritage of philosophers of Antiquity and assimilated by him in the renaissance manner; article defines the role of classical rhetoric in the philosophical experience of Leonardo da Vinci.

Keywords: Leonardo da Vinci, Ancient philosophy, Renaissance philosophy, Microcosm, Classical rhetoric.

На сегодняшний день многочисленные и разносторонние научные работы, посвященные творчеству и жизни Леонардо да Винчи, в силу их преимущественно искусствоведческого и историко-биографического характера не снимают задачи по исследованию философских взглядов ренессансного мыслителя, как одной из наименее изученных. В рамках предлагаемой статьи обращение к данной проблематике очерчено рассмотрением непосредственного и самостоятельного усвоения идейного античного фонда в опыте Леонардо да Винчи как философа.

Рукописное наследие Леонардо да Винчи – манускрипты и записные книжки содержат имена таких философов как Пифагор, Эпикур, Платон, Аристотель и др., в распоряжении ученого были экземпляры рукописей «Тимея», «Метеоров» и других менее известных классических работ. Записи отражают уважительно-дружеское от-

ношение Леонардо к «древним изобретателям, положившим начало грамматикам и наукам», как и любой человек Ренессанса, он ценил интеллект и знания, а отсутствие формального образования не наложило отпечатка на восприятие текстов: он спорит с ними как с живыми людьми: «я не могу удержаться от порицания тех из древних, которые говорили, что у Солнца нет иной величины, кроме видимой; в числе их был Эпикур»; цитирует: «Аристотель говорит, что если сила движет тело...»; фиксирует неточности: «я нашел, что эти древние ошибались в своем суждении о тяжестих». Хотя это вполне традиционная для Ренессанса форма философского рассуждения, в ней нет гуманистической отточенности и формы. Для Леонардо философы Античности такие же «изобретатели» как и он – люди в процессе познания.

Общеизвестно, что самыми влиятельными мыслителями для ренессансной культуры, как и для предыдущей, были Платон и Аристотель. Это правило верно и для Леонардо да Винчи: он был хорошо знаком с их идеями. В его случае вечный спор Платона и Аристотеля имеет выраженный контекст: это не просто идеи – они связаны с повседневными мыслями, гражданской позицией, профессиональным статусом и т.д. Так платоновская трактовка искусства, подчиненного государству не может нравиться Леонардо – свободному сыну Флорентийской республики, ратующему за независимое существование живописи. Платоновское же идеализированное видение ставило ее на искусственную почву, отрывая от реального начала – самой жизни. Однако да Винчи не выходит из теоретической плоскости платоновской мысли, а продолжает с ним виртуальную полемику о превосходстве искусства над философией, где неприятие версии Платона относительно его позиции по вопросу подражательности искусства не приводит к смещению его взглядов к более реалистичному видению. Таким образом, Леонардо остается в рамках традиционного ведения спора, не ломая идеологических подоплек восприятия искусства.

Да Винчи также заимствует у Платона образные описания, имевшие в ренессансной культуре особую ценность. Так, в одном из немногих художественных описаний Леонардо хорошо проглядывается платоновский миф о пещере: «И увлекаемый жадным своим влечением, желая увидеть великое множество разнообразных и странных форм, произведенных искусной природой, блуждая среди темных скал, я подошел ко входу в большую пещеру. На мгновение остановясь перед ней пораженный, не зная, что там, изогнув дугою свой стан и оперев усталую руку о колено, правой я затенил опущенные и прикрытые веки. И когда, много раз наклоняясь то туда, то сюда, чтобы что-нибудь разглядеть там в глубине, но мешала мне в том великая темнота, которая там внутри была, пробыл я так некоторое время, внезапно два пробудились во мне чувства – страх и желание; страх – перед грозной и темной пещерой, желание – увидеть, не было ли чудесной какой вещи там в глубине» [5, с. 407–408]. Здесь, аналогично, как и у Платона имеется ввиду не происшествие во время путешествия – это эффективная метафора познавательного процесса [2, с. 325–334; 6, с. 176–211], в которой «жадное влечение» – естественная склонность к познанию, а отступление от своей собственной природы не является безболезненным процессом, знание может стать неудобным, способным исказить наши представления и поставить под сомнение то, что считалось неопровержимым, а «большая пещера» символизирует величие природы в глазах того, кто собирается встретиться с ней. Тут имеет место двойственность ситуации, намеренно оставленной да Винчи нерешенной: следовать ли естественной склонности, войдя в пещеру и достичь понимания, или отказаться затеи, дающей путь к знаниям, не ставя под сомнение имеющиеся взгляды. Интерпретируя миф о пещере Платона в леонардовской манере, герой его классической версии сталкивается с не менее болезненной проблемой, – освободившись от оков и поднявшись на поверхность, обнаруживает, что его мир, не является реальностью, а всего лишь ее бледная копия. В восприятии платонизма у Леонардо противопоставлены: природа – миру идей, метафизические исследования – поиску законов и

форм жизни, созерцание – активному процессу познания, это «как бы перевернутый с головы на ноги платонизм» [3, с. 178].

Да Винчи перенял и другой философский образ, эксплуатируемый Платоном и другими античными мыслителями в частности Птолемеем. Речь идет о микрокосме и макрокосме – теории, разработанной древнегреческими философами для описания человека и его места во Вселенной. В ней отдельный человек рассматривался как маленький мир (у Леонардо *minog mondo*), состав и структура которого соответствуют Вселенной, или макрокосмосу. Космос в античной культуре имел в общем смысле значение «порядок» и подразумевал гармоничное и, следовательно, красивое, расположение частей в любой органической системе. Сравнения общества и человека, а также общества и Вселенной тоже были разновидностью микрокосмической теории. Эти аналогии имели широкое распространение в Средиземноморском регионе в древности, а затем во всей Европе в Средние века и затем перешли в ренессансный идейный фонд. При первоначальном обращении к записям Леонардо может показаться, что его космография человека носит средневековый характер: «скажу я о функциях всех частей в каждом отношении, воочию дав тебе понятие о всей фигуре и способностях человека в отношении пространственного движения посредством этих частей. Итак, если угодно будет нашему создателю, я смогу показать природу людей и их привычки подобно тому, как я описываю их фигуру» [5, с. 765]. Такого мнения придерживаются П. Дюгем и Э. Кассирер, объясняя это влиянием Кузанского («постижение любого конкретного достигается обращением его к божественному началу») на взгляды Леонардо. Однако микрокосм да Винчи открывает для него не зависимость от божественного сотворения и открытия в теле присутствия сверхъестественного замысла, а новые пути для аналогий, носящих иной характер. В записи о воздухе, входящем в трахею, который «равен по количеству во всех стадиях, порожденных ее разветвлением, подобно ветвям, порожденным в годовых кругах растений, которые ежегодно, если соединить толщину совокупности их ветвей, равны толщине ствола их растения» [4, с. 27] Леонардо сравнивает строение дыхательной системы с закономерностями развития в растительном мире, создавая некоего мысленного человека с растением вместо легких – образ более чем языческий и поэтический. В другой аналогии, где «сердце при своем сокращении уменьшает свою емкость и дает выгнанную из него кровь на сохранение желудочкам, то эти желудочки ему ее возмещают в настолько меньшем количестве, сколько было той, которую присвоила себе необходимость для питания жизни, каковая возвращается печени – казначею» [4, с. 99–100] античный микрокосм приобретает яркий оттенок ренессансного – органы описываются с позиций некой банковской системы, где органы обращаются с кровью как с подобием денег. Отжившие вследствие своей переработки Средневековьем античные идеи получают новое рождение и интерпретацию в Ренессанс, в том числе и в философских воззрениях Леонардо, который вкладывает в них смыслы, имеющие значение для субъекта новой культуры.

Еще большее влияние оказали на Леонардо идеи Аристотеля, не последнюю роль в этом сыграло то, что самые плодотворные периоды его жизни прошли в Милане – месте, где Аристотель находился в особом почете. Несомненно, его эстетические взгляды были гораздо ближе да Винчи, чем платоновская концепция «несвободного» искусства. Аристотель также как и ренессансный мастер видел в искусстве независимый, рационально подкрепленный вид деятельности, требующий подкрепления опытом и исследованиями, а не умозрительными рассуждениями. Наследие Аристотеля определило важные онтологические моменты в философских взглядах да Винчи. Тезис аристотелевской «Метафизики» «все люди от природы стремятся к знанию» совпадает с леонардовским утверждением что «естественное желание хороших людей – добывать знания». Так, в уже упомянутом споре философского характера с «древними», о том что «у Солнца нет иной величины, кроме видимой» Леонардо опирается в своей заочной полемике на утверждение Аристотеля об обманчи-

ности чувственного образа в наших суждениях о вещах — для доказательства недостаточности односторонне и узко понятого сенсуализма, сводящего все наше познание к показаниям чувств.

От Аристотеля Леонардо да Винчи перенял теорию о невозможности пустоты в природе, использовал традиционные понятия его космологии. Более чем механистический смысл имеют подмеченные В.П. Зубовым сохранение у Леонардо аристотелевского противопоставления тяжелого и легкого и лишение «его абсолютного характера: для Леонардо нет тел тяжелых и легких самих по себе. Тела становятся тяжелыми и легкими в зависимости от окружающей среды, в зависимости от того, является ли она более или же менее плотной, нежели эти тела» [5, с. 959]. Наиболее интересны для понимания философских воззрений да Винчи суждения о категориях «пустота» и «ничто»: «Среди всех вещей, существующих меж нас, существование «ничто» занимает первое место и ведение его простирается на вещи, не имеющие существования, и сущность его обретается во времени, в прошлом и будущем, ничего не имея от настоящего. В этом «ничто» часть равна целому, и целое — части, и делимое — неделимому» [5, с. 80]. И далее сравнение двух категорий: «Противник говорит, что «ничто» и «пустота» — одна и та же вещь, имеющая два названия, которые произносятся, но которых нет в природе. Ответ гласит: если бы пустота существовала, существовало бы место, которое ее окружало бы, а «ничто» мыслится не занимающим места; следовательно, «ничто» и «пустота» не одно и то же, поскольку пустота делима до бесконечности, а «ничто» не делится, — ведь не существует вещи, которая могла бы оказаться меньше, чем «ничто»; и если бы у него были части, то такая часть была бы равна целому, а целое равно части» [5, с. 81]. Леонардо не сводит две категории, приближаясь к их верной с онтологической точки зрения трактовке. Для него «ничто» имеет более обширное, более теоретизированное значение. «Ничто» включает в себя аристотелевскую «пустоту» и не только. Это категория, обозначающая нечто, что не имеет референтов в действительности, она «только во времени и словах», потому вещь «величайшая», так как в ее распоряжении обширный инструментарий для рассуждений. «Пустота» же вполне натуральный образ, что содержится у Аристотеля и видно из утверждения да Винчи о ее отличии от «ничто». Она фиксирует стихийное восприятие действительности (широко используется Леонардо в спелеологии, анатомии т.д.), но тоже в какой-то мере относится к категории «ничто». Отрицание «пустоты» Леонардо да Винчи также вполне логично: ренессансная культура выражала себя во многом и в практичности повседневной жизни, в ней просто не было места для какой бы то ни было пустоты.

Кроме непосредственного восприятия философов Античности как таковых, Леонардо, как и его современники, был подвержен и другим продуктам культуры «древних». К таким относилась классическая риторика, влияние которой было огромным на многих уровнях культурной жизни Ренессанса. Прагматическая сила слова восстановила высокое положение риторики после потери своей универсальности в средневековой культуре посредством политических и коммерческих связей между людьми. Наиболее сильный интерес вызвали работы Цицерона и Квинтилиана, считавшие риторику не только теоретическими размышлениями о красноречии, но и теорией всех человеческих действий. Риторические технологии имели решающее значение и в оформлении и изложении Леонардо его философских воззрений — он использовал методики и концепции риторики в своей деятельности. Среди перечней книг на листах Атлантического кодекса и Мадридского кодекса II упомянуто издание *Rettorica Nova*, скорее всего да Винчи был доступен экземпляр «Риторики» Аристотеля. Следы упражнений по форме и содержанию, рекомендованные Квинтилианом, есть в рукописях Леонардо за 1493–1494 гг. во время пребывания при дворе Сфорца в Милане.

Как было показано на примере с образом платоновской пещеры, влияние риторики выработало у да Винчи особенность ведения записей (как отчасти и само ведение записей как традицию) — он почти никогда не достигает окончательного решения по вопросам, которые обсуждает. Он может вернуться к проблеме на следующей странице записной книжки или через несколько лет, не делая себя зависимым от предложений и теорий. Да Винчи свойственно противоречить себе, пытаться подойти к вопросу с другой стороны. Иногда он вводит гипотетического абстрактного противника, кроме упомянутых «древних изобретателей», который якобы пытается спорить с аргументами Леонардо, или, обращаясь к «читателю» ставит вопрос, в решении которого пытается доказать несостоятельность одного из вариантов ответов на него. Такая методика у да Винчи прямо указывает на риторический идеал знания. В риторике двусмысленность является продуктивным условием для нахождения чего-то нового, представление двух сторон аргумента является важным аспектом диалога у Цицерона. Таким образом, каждое решение вопроса сохраняет прагматический характер риторической правды, которая является результатом практической деятельности человека адаптированной к конкретной ситуации: что-то может стать лишним, рассматриваться иначе или появятся новые условия. Другая важная характеристика диалогов Цицерона заключается в отсутствии у них решающего момента. Эти принципы аргументации и риторическая свобода в построении диалогов были восприняты ренессансной культурой как необходимость для непредвзятого исследования.

В записях Леонардо да Винчи встречается, например лист, с двадцатью определениями тяжести (*gravitti*): «Тяжесть это природная сила...», «Тяжесть на самом деле является определенным желанием вернуться...», «Тяжесть определенная тяга или желание сбежать...» [1]. Каждая запись сопровождается кратким пояснением, в двадцати различных определениях Леонардо разрабатывает идею в вариациях, некоторые из которых противоречат друг другу, но не достигает окончательного результата: записи становятся все более хаотичными, ошибки следуют друг за другом и как итог текст оказывается зачеркнут. Можно назвать такой способ записи внутренним обсуждением темы, в данном случае тяжести. Леонардо ищет идеальное решение, не приходя к какому-то заключению. И, отказавшись от окончательного решения, дает себе передышку: все возможности остаются в пределах его досягаемости. Да Винчи как бы создает в своих записях открытое пространство, в котором может возникнуть новое решение или понимание. Как и в опыте повседневной жизни для Леонардо знание это процесс, а не результат ряда логических аргументов.

Конечно, воспроизведение всей картины влияния античного теоретического наследия на философские воззрения Леонардо да Винчи не представляется полностью выполнимой задачей, но, по словам К.М. Долгова, «в данном случае важнее другое: Леонардо знал основные положения платоновской философии» [3, с. 178] и иных античных и средневековых учений, что является важным фактом в реконструкции его как ренессансного мыслителя.

Список литературы

1. Codice Madrid I, 144v. – Режим доступа: <http://www.leonardodigitale.com>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
2. Баткин Л. М. Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления / Л. М. Баткин. – Москва : Искусство, 1990. – 415 с.
3. Долгов К. М. Итальянские этюды. Человек и история: поиск истины и красоты / К. М. Долгов. – Москва : Художественная литература, 1987. – 487 с.
4. Леонардо да Винчи Анатомия. Записи и рисунки / ред., комм. В. Н. Терновского, пер. с итал. М. В. Кондратьевой, З. Б. Подкопаевой. – Москва : Наука, 1965. – 588 с.
5. Леонардо да Винчи Избранные естественнонаучные произведения / ред., пер. с итал., ст. и комм. В. П. Зубова. – Москва : Изд-во АН СССР, 1955. – 1028 с.

6. Фрейд З. Художник и фантазирование / З. Фрейд ; под. ред. Р. Ф. Додельцева, К. М. Долгова. – Москва : Республика, 1995. – 400 с.

References

1. *Codice Madrid I, 144v*. Available at: <http://www.leonardodigitale.com>.
2. Batkin L.M. *Leonardo da Vinci i osobennosti renessansnogo tvorcheskogo myshleniya*. Moscow: Iskusstvo, 1990, 415 p.
3. Dolgov K.M. *Ital'yanskije etyudy. Chelovek i istoriya: poisk istiny i krasoty*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1987, 487 p.
4. *Leonardo da Vinci Anatomiya. Zapisi i risunki*, red., komm. V.N. Ternovskogo, per. s ital. M.V. Kondratevoy, Z.B. Podkopaevoy. Moscow: Nauka, 1965, 588 p.
5. *Leonardo da Vinci Izbrannye estestvennonauchnye proizvedeniya*, red., per. s ital., st. i komm. V.P. Zubova. Moscow, 1955, 1028 p.
6. Freyd Z. *Khudozhnik i fantazirovanie*, pod. red. R.F. Dodeltseva, K.M. Dolgova. Moscow, Respublika, 1995, 400 p.

РЕАЛИЗАЦИЯ ОППОЗИЦИОННЫМИ ПАРТИЙНЫМИ ГУБЕРНАТОРАМИ ПАРТИЙНЫХ ИДЕЙ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ

Шелипова Наталья Владимировна, аспирант

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: shelipova_natalya@mail.ru

В статье преследуется цель изучить реализацию губернаторами от оппозиционных политических партий жилищной политики, выявить ее соответствие с идеологией и программными положениями соответствующих партий. В статье исследованы особенности реализации жилищной политики губернаторами от КППРФ и ЛДПР. Рассмотрение деятельности губернаторов в реализации жилищной политики представляет интерес в связи с тем, что уровень губернаторов – это один из тех уровней власти, на который политические партии в России могли оказывать существенное влияние. Сравнительная методология выступила базой исследования. Исследование показало, что представители оппозиционных партий на губернаторских должностях в России не стали проводниками идей своих партий в реализации жилищной политике. Среди оригинальных региональных программ, проводимых губернаторами-коммунистами по жилищной политике, инициированных именно на региональном уровне, можно выделить программы Владимирской области «Социальное жилье», «Развитие малоэтажного строительства».

Ключевые слова: политические партии, жилищная политика, губернатор, публичная политика.

IMPLEMENTATION OF THE OPPOSITION PARTY GOVERNORS OF IDEAS OF THEIR OWN PARTIES FOR HOUSING POLICY

Shelipova Natalia V., postgraduate student

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: shelipova_natalya@mail.ru

The paper aims to explore the implementation of the governors of the opposition political parties of housing policy, to identify its compliance with the ideology and program provisions of the relevant parties. The study tested the features of the implementation of the housing policy of the Governors of the CPRF and the LDPR. Consideration of the governors in the housing policy is of interest due to the fact that the level of governors – is one of those levels of government, to which the political parties in Russia could have a significant impact. Comparative methodology made base for the study. The study showed that members of the opposition parties in the gubernatorial positions in Russia were not agents of their parties in the implementation of the housing policy. Among the original regional programs run by Communist governors on housing policy initiated at the regional level, we